

Со всей ответственностью могу сказать – и моей тоже.

О первом своём литературном потрясении я писала в эссе «Танцующая лицедейка». Сказать здесь тоже о каком-то потрясении, – пожалуй, нет. Но, когда я была уже в восьмом классе. Арина, моя сестра, прислала мне, зная мои предпочтения (она в это время училась в Ленинградском библиотечном институте им. Крупской), переписанные вручную стихи Блока. Да, я любила его стихи, даже читала наизусть на школьных вечерах не только «Беглеца» Лермонтова, но и отрывки из «Двенадцати» Блока. Но это были стихи, не похожие ни на какие известные мне прежде. В них была тайна. И странно – как будто это была и моя тайна. Ни с кем, ни с кем не хотела я делиться этой тайной. Я ходила и бормотала с замиранием: «Кто-то шепчет и смеётся/ Сквозь лазоревый туман...», «Девушка пела в церковном хоре/ О всех усталых в чужом краю...», «Не призывай. И без призыва/ Приду во храм...», «Ветер принёс издалёка/ Песни весенней намёк...», «Сумерки, сумерки вешние,/ Хладные волны у ног...» и другие. Их было двенадцать. Двенадцать... – роковая цифра Блока.

Со стихами Цветаевой я познакомилась уже студенткой в Ленинградском университете.

Ты проходишь на запад солнца,
Ты увидишь вечерний свет.
Ты проходишь на запад солнца,
И метель замечает след.

* Заглавие – из стихотворения Мариной Цветаевой, посвящённого А. Блоку.

Мимо окон моих – бесстрастный –
Ты пройдёшь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души!

Я на душу твою – не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому святому лику
Только издали поклонюсь.

И, под медленным снегом стоя,
Опущусь на колени в снег
И во имя твоё святое
Поцелую вечерний снег –

Там, где поступью величавой
Ты прошёл в снеговой тиши,
Свете тихий – святых славы –
Вседержитель моей души³.

Полностью привела её стихи , потому что... потому что она перехватила, что я так глубоко таила в себе! И как же теперь я? Но ведь даже она не смела «позариться» на душу его. Что уж говорить обо мне?! Так и несла свой крест, не смея ни говорить, ни писать о нём. Что можно сказать после цветаевского: «Всей бессонницей я тебя люблю, // Всей бессонницей я тебе внемлю...»?..

Представляю, какой нелепой кажусь читающим, но иначе, боюсь, не будет понятно нижеследующее.

Тихо как-то тлело всё в душе до 2005 года, года 125-летия Блока! – и места себе не нахожу. Я должна, я должна!.. А что должна?.. Цветаева всё сказала. И даже больше:

Зверю – берлога, // Страннику – дорога, //
Мёртвому – дроги. // Каждому – своё. //
Женщине – лукавить, // Царю – править, //
Мне – славить // Имя твоё.

³ М. Цветаева, Соч., т. 1, М., 1948.

Славить должна! Имя его славить должна! Но как?!

Анна Ахматова писала: «В тот единственный раз, когда я была у Блока, я, между прочим, упомянула, что поэт Бенедикт Лившиц жалуется на то, что он, Блок, “одним своим существованием мешает ему писать стихи”. Блок не засмеялся, а ответил вполне серьёзно: «Я понимаю это. Мне мешает писать Лев Толстой»⁴. Вот и мне Марина Цветаева мешает. Но ведь и славить можно по-разному. Вечер, вечер в его честь! Масштабный вечер! – и я закусила удила.

О помещении стала заботиться заблаговременно. «Дом архитектора» на Большой Морской! Много в своё время провела я там вечеров, и зал там достоин имени Блока, и недалеко от его квартиры-музея – вполне возможно, что он бывал там, да и любила я его бронзовый зал. «Принесите отношение от организации». Принесла, за подписью председателя Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России И. И. Сабилы, с печатью. «Учёного секретаря сегодня не будет – оставьте». Звоню через день – телефон не отвечает. Затем суббота, воскресенье, затем телефон опять не отвечает. Наконец: «А мне ничего не передавали». Затем: «Председатель Союза архитекторов в отъезде, а без него этот вопрос решить нельзя, будет дней через десять». Через десять дней: «Нет, ещё не приехал». Не выдержав, понимая, что почва начинает уходить у меня из под ног (время подходило к ноябрю, а такие вещи согласовываются, по крайней мере, за месяц), я приезжаю лично.

– Президента нет.

– Но кто-нибудь может решить этот вопрос? Потом будет поздно, нужно уже определяться.

Выходит Галина Константиновна (фамилию не знаю), как я поняла – зам.:

– Я буду категорически против.

– Но почему?

– А какое отношение мы имеем к Блоку?

– Но к Блоку имеет отношение весь город. Это «самый петербургский поэт»!

– Нет-нет, только аренда, мы так мало получаем.

Из дальнейшего разговора выясняется, что аренда 1000 долларов за вечер, что за деньги – хоть лотошники с улицы, а без денег и Блок – извините.

Далее отказали предоставить помещение для проведения благотворительного концерта: «Капелла», «Дом актёра», «Дом учё-

⁴ А. Ахматова. Стихи и проза. Л., 1977.

ных», «Дом кино», «Музей Ахматовой». Всё по той же причине. Раньше же предоставлялись эти помещения для подобных концертов, я сама проводила во всех них вечера и не один раз. Почему это стало кормушкой для тех, кто там засел? В отчаянии посылаем факс в мэрию, в отдел культуры с воплями о помощи. Ответа не последовало.

В какой-то момент я сдалась – больше всех мне нужно что ли?! И занялась своими делами. По какому-то, совсем незначительному поводу мне необходимо было попасть в одно учреждение на Васильевском острове. Советовали так: доедешь до ворот Смоленского кладбища, не проходя в ворота, перейдёшь по мостику на другую сторону и иди вдоль речки; там, почти что в конце кладбища, ларьки и т.д.

Доехала до кладбища. Что, думаю, по той стороне идти буду. Если это в конце кладбища, пойду через кладбище (люблю побродить по кладбищам – тоже странное пристрастие). Постояла у стен Ксении Блаженной, побрела дальше, разглядывая некоторые надгробия. Не заметила, как стемнело. Высокие деревья, кресты, даже жутковато как-то. Одна, кругом ни души. Куда идти, не знаю, заблудилась вроде. Заспешила, обо что-то споткнулась, чуть не упала. Опускаю глаза – обо что же я споткнулась? Под ногами на замшелом камне с трудом просматривается высеченное **Александр Блок**. Ничего больше, ни дат, ни креста какого-нибудь, оградочки – только вот эта замшелая плита, почти вросшая в землю. «Неужели?.. Неужели?.. В таком состоянии?..». Сесть захотелось, но – ни скамеечки. От земли холодом тянет, мрачно как-то, а я стою в недоумении: «Ведь он на Волковском, насколько я помню? Может, отец – он тоже, кажется, Александр? Но он поляк, вряд ли здесь захоронен. Родственник, однофамилец какой-нибудь?..».

С кладбища выбралась легко. Какие там свои дела – в голове только: **Александр Блок**, как знак – ты должна!

Всю ночь промаялась. Утром звоню Надежде Поляковой, она в таких делах как па-





Могила А. Блока
на Волковом кладбище

лочка-выручалочка, ей всегда звонили в подобных случаях и Евгений Кутузов, и Вячеслав Кузнецов. «Это, – говорит, – место его первого захоронения. Когда создавались "Литераторские мостки", прах его был перевезён на Волковское».

Ещё она сказала, что якобы, когда он ночью перед захоронением находился в часовне Ксении Блаженной, ноги его обгрызли проникшие внутрь собаки. Жуть! Не знаю, правда ли. «Трагический тенор эпохи» – из стихов А. Ахматовой.

И вновь в поисках помещения. Почему бы ни в библиотеке им. Блока? Спешу по Невскому. Вверху там, пусть и без сцены, вполне есть достойное, круглое такое, под куполом помещение. Даже интересно может получиться. Глаза выхватывают вывеску «Библиотека им. Маяковского». Несколько шагов делаю дальше – стоп! «Маяковского» же на Фонтанке? Возвращаюсь. Нет, этот вход между двумя небольшими белыми колоннами, несколько ступенек, всегда был библиотекой им. Блока, а теперь, глазам не верю, «им. Маяковского». Вхожу, спрашиваю директора. «Поднимитесь, вон по этой лестнице», – указывают на узенькую лестницу, идущую вдоль стены. Поднимаюсь. На верхних ступеньках сидят две девицы, и одна стоит, облокотившись о перила. Курят. В одном из стихотворений Олега Чупрова⁵, автора гимна Санкт-Петербурга, есть строчки: «Всё больше становится – чёрноволосых, // Всё меньше и меньше головушек русских...» Это как раз тот вариант. «Вам кого?» – спрашивают. «Я бы хотела поговорить с директором». «Ну, я директор, – отвечает та, что облокотившись. – Что нужно?». Стоя в таком неудобном положении, они словно нависли надо мной, я начинаю объяснять, что всегда это была библиотека им. Блока, а теперь почему-то написано Маяковского... И опять: «А какое отношение к этому зданию имеет Блок?». Можно подумать, что Маяковский имеет. Молча повернулась и стала спускаться – бесполезно продолжать. Что им до Блока?! Также как и до Маяковского, – думаю. Подарочек к юбилею Блока!..

Всё предыдущее изложено так подробно не для того, чтобы вызвать сочувствие к моим «хождениям по мукам». Может, просто, я не сумела? Не повезло мне?

⁵ Олег Чупров. Становлюсь рекой. СПб, 2012.

Александр Блок... Максимилиан Волошин так описал его внешность⁶:

«Лицо Александра Блока, выделяется своим ясным и холодным спокойствием, как мраморная греческая маска. Академически нарисованное, безукоризненное в пропорциях, с тонко очерченным лбом, с безукоризненными дугами бровей, с короткими вьющимися волосами, с влажным изгибом уст, оно напоминает строгую голову Праксителева Гермеса, в которую вправлены бледные глаза из прозрачного тусклого камня. Мраморным холодом веет от этого лица. ...Рассматривая лица других поэтов, можно ошибиться в определении их специальности... но относительно Блока не может быть никаких сомнений в том, что он поэт...».

Что касается официального статуса... Вот из Большой Советской энциклопедии:

«...Блок принимал участие в работе комиссии по изданию классиков, в репертуарной комиссии Театрального отдела Наркомпроса, в издательстве «Всемирная литература», был председателем Управления Большого драматического Театра в Петрограде, председателем Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов».

Маяковский писал в 1921 году: *«Творчество Александра Блока – целая поэтическая эпоха... Блок оказал огромное влияние на современную поэзию».*

Или вот ещё из предисловия я к двухтомному собранию его сочинений: *«Стихи и поэмы Александра Блока – одна из вершин русской поэзии... Вл. Орлов»⁷*

Александр Блок... Последний вечер.

Прислонясь спиной к колонне, бледный, он читает свои стихи. Уходя с вечера, помахал на прощание рукой Пушкинскому Дому, а потрясённая толпа слушателей безмолвно следует за ним на почтительном расстоянии. Так уходил он в бессмертие.

«Одна из вершин русской поэзии»!.. И ещё это имя связано с особым званием для нашего города, званием **«самого петербургского поэта».**

Как же город встретил его юбилей? 125-летие ... не каждый день случается такая красивая дата. Может ли кто-нибудь сказать, что по телевидению читали стихи Блока, рассуждали о его **жизненном и творческом пути**, исполнялись романсы на его стихи,

⁶ Русские поэты серебряного века. т. 1, Л., 1991.

⁷ Александр Блок. Соч. в двух томах. Т. 1, М., 1955.



Рис. Б. Диодорова. Александр Блок, «Двенадцать», М., 1977.

на многочисленных подмостках проходили концерты, разыгрывались его пьесы? Что всюду были выставлены портреты Блока, было издано полное собрание его произведений? Мне сказали, что по какому-то каналу между строчек проскочило его имя, да ещё знаю, что в музее-квартире Блока (гостиная вмещает не более 60-ти человек), состоялся вечер. Может, я не всё знаю? Где-нибудь ещё было что-то организовано? Но, тем не менее, можно ли сказать, что это было событием общегородского масштаба?

И всё же вечер состоялся. Для дирекции «Театра эстрады» имя Блока не оказалось безразличным, и нам был предоставлен для концерта

великолепный зал прямо в день рождения Блока, 28 ноября. Но от телевидения никто не приехал, их имя Блока не заинтересовало (насколько более востребованы сейчас сообщения об очередных разводах шоу-звёзд, кто на какой пол поменял, или кто с большей наглостью кого обозвал), корреспонденты не налетели, и важные гости не приехали, хотя пригласительные билеты были разосланы заблаговременно.

Сейчас часто на такие высказывания можно услышать по тому же телевидению: «Не нравится вам, не смотрите. Рейтинг-то большой – значит, людям нравится». Мне всегда на это хочется ответить словами Сократа...

Однажды Сократ поднимался в гору со своими учениками. Навстречу шла женщина лёгкого поведения. Подобрав юбки, она с издёвочкой так ему: «Вот вы о высоких материях с ними, антимонии всякие разводите, а я подмигну, и они пойдут за мной». «Да, – ответил Сократ, – **потому что под гору идти всегда легче**». (Выделено мной. – Г.Д. Должна также признаться, что в вольном изложении, не дословно, привожу этот эпизод. И ссылку дать не могу – не помню, давно очень где-то вычитала, не записала. А теперь всплывает в памяти этот эпизод всё чаще и чаще.)

Всё это было бы бесконечно грустно, если бы... если бы зал не был переполнен – вносились дополнительные стулья, стояли, си-

дели на каких-то сумках, просто на полу. Если бы не откликнулись и не приняли участия в концерте известные певцы и артисты. Вот информация (с сокращениями) из публикации Валерии Лебедевой: «Не подлежит забвению...»⁸.

«...Вечер открыл председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России Иван Сабилло. Назвав Блока самым петербургским писателем, он тем самым подчеркнул его особенную роль для жителей северной столицы...

О непростых гранях творчества выдающегося поэта рассказали в своих выступлениях кандидат филологических наук Т. Батурина и доктор филологических наук С. Кибальник.

...прозвучали стихи поэта в прекрасном исполнении народного артиста России Л. Мозгового. Стихи читали и другие участники вечера. Так, член Союза писателей России Алина Мальцева прочитала “Скифы”, ведущая вечера Галина Дюмонд – поэму “Двенадцать”...

Поэзия Александра Блока сконцентрировала в себе и мистику, и ностальгию, и увлечение космохаосом, и тягу к гармонии, и музыкальность... Вот почему многие его произведения положены на музыку. Они прозвучали на вечере в исполнении Петра Мигунова, солиста Академической Государственной Капеллы (аккомпанемент С. Шляпниковой, музыка Свиридова), он спел «Флюгер» и «Утро в Москве».

Публику восхитили также выступления... дипломантов конкурса артистов эстрады Нины Тарасовой и Елены Хомской (на фотографии), исполнивших песню на стихи Блока из цикла «Снежная маска»... А ещё слушателей поразил молодёжный камерный хор “Кантилена”



(художественный руководитель Елена Петрова), порадовавший исполнением “Песни девушки” на стихи Блока...

Вечером высокой духовности можно назвать мероприятие, организованное Санкт-Петербургским отделением Союза писателей. Всех его участников ещё в фойе встречали звуки флейты, на которой играла Кира Альтерман. И гитара, и свирель, и арфа, и

⁸ «Морская газета», Л., 3.12.2005.

фортепиано славили на этом замечательном вечере имя поэта, не подлежащего забвению».

Особой гордостью моей ещё было: на сцене, на высоком постаменте, стоял бюст, мраморный бюст Блока, любезно предоставленный и доставленный нам скульптором, поэтом Владимиром Обуховым, а перед ним лежали пурпурные цветы.

Составляя программу, я даже обрадовалась, что Мозговой будет читать лирические стихи Блока. Перестроечные, «лихие» неуловимо, нет – неодолимо напоминали описанное Блоком. И теперь, когда Россию не «попинывал» только ленивый, в уме всё чаще и чаще прокручивались стихи, совсем не похожие на есенинские, но «согретые такой любовью к родине, к красоте и очарованию её природы, к её неоглядным далям и бесконечным дорогам».

Опять, как в годы золотые,
Три стёртых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые –
Как слёзы первые любви!

Тебя жалеть я не умею,
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, –
Не пропадёшь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну, что ж? Одной заботой боле –
Одной слезой река шумней,
А ты всё та же – лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,

Когда мелькнёт в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

Россия... «Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь»⁹.

И Блок... И только Блок, никто более – нарекает её своей избранницей¹⁰:

О, Русь моя! Жена моя! До боли// Нам ясен долгий путь!..

Он понимает всю сложность пути, но путь этот его не страшит:

Наш путь степной, наш путь – в тоске безбрежной// В твоей тоске, о Русь!// И даже мглы – ночной и зарубежной – // Я не боюсь.

Или гневное:

Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.//Попробуйте, сразиться с нами!//

Для вас – века, для нас – единый час.// Мы, как послушные холопы,// Держали щит меж двух враждебных рас –// Монголов и Европы!//

В последний раз – опомнись, старый мир!// На братский пир труда и мира,// В последний раз – на светлый братский пир// Сзывает варварская лира!

Не правда ли, довольно современно звучит?!

И вечный бой! Покой нам только снится// Сквозь кровь и пыль...// Летит, летит степная кобылица // И мнёт ковыль...
(Подчёркнуто мной. – Г. Д.)

И ещё «Двенадцать»! – «**величайший памятник исторической эпохе**». Обычно беспощадно строгий к себе, он записал в день, когда кончил поэму: «Сегодня я – гений». Её и только её, всемирно прославленную поэму, должна я читать в этот день! Целиком, от начала и до конца!

После вечера Александр Иванович Михайлов сказал: «Когда ты, Галина, объявила: Блок “Двенадцать”, я подумал: “Неужели она собирается читать всю поэму?”. И вот на одном дыхании – не

⁹ А. Блок. Письмо К.С. Станиславскому от 9.12.1908.

¹⁰ А. Блок. Соч. в двух томах. Т. 1, М., 1955.



Галина Дюмонд



Нина Балбукова



Режиссёр-постановщик
Людмила Волкова



А. Блок
Незнакомка

*Лирико-фантастическая драма-символ
с элементами гротеска и импрессионизма
в спектакле использована музыка
Э. Артемьева, И. Бяльха, Ф. Крейсlera,
Ф. Шопена, Ф. Шуберта*

заметил даже...». Николай Михайлович Коняев сказал, что «впервые прочувствовал поэму целиком», а Иван Иванович Сабилло прикладывал мне ко лбу свой носовой платок – я была вся в испарине от возбуждения и... – счастлива.

Набросала я эти заметки ещё тогда, сразу после концерта, но не отдала никуда для публикации, не знаю почему. Может, потому что больно болезненно было всё происходящее. Кругом нищие, беспризорников больше, чем после войны, бандитские группировки... И я со своим Блоком... На фоне всего – это не выглядело таким уж чудовищным.

И вот прошло пять лет. 130-летний юбилей. Везде звучит имя Блока, и по телевидению, и по радио, концерты, вечера. Место его первого захоронения облагорожено: почищен камень, поставлен крест.

Подготовленный мною вечер был проведён в концертном зале Российской национальной библиотеки на Московском проспекте. Вели мы его совместно с Ниной Балбуковой, директором «Книжной лавки писателей». Я в упоении, наконец, читаю «поистине, кажется, овевные вихрем музыки и света» стихи, что ещё в школьные годы нашёптывала, как заветную тайну.

А во втором отделении была представлена лирико-фантастическая драма-символ, с элементами гротеска и импрессионизма, «Незнакомка» по Александру Блоку (режиссёр-постановщик Людмила Волкова). И именно то, что совсем ещё молодые юноши и девушки так самоотверженно, с такой самоотдачей, юношеским азартом, с такой любовью исполняли свои роли, вселяет уверенность – **незабвенным, вовеки незабвенным, останется имя гениального поэта, оставшегося верным своей избраннице России «и в горе, и в радости», Александра Блока, «вседержителя моей души»!!!**